

ПОПАДАНКА

ДЛЯ СУРОВЫХ ОРКОВ

Анна Дружинина

Тая Мару

Дина Дружинина
Тая Мару
Попаданка для суровых орков

<https://litres.ru/74312693>

Аннотация

Из современного мира я угодила в рабыни. Мой хозяин решил, что днем я должна работать на его мануфактуре, а ночью – ублажать его в постели. Поэтому я сбежала, но угодила в лапы к еще более опасным мужчинам. Оркам! Теперь я в их власти. Они спасли меня, выкупив у моих преследователей. Но как мне теперь отработать этот долг?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Визуализация	25
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7.	37
Глава 8	42
Глава 9	46
Глава 10	51
Глава 11	56
Глава 12	61
Глава 13	67
Глава 14	71
Глава 15	76
Глава 16	81
Глава 17	86
Глава 18	91
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Глава 1

Ай! А-яй! Больно то как! Из глаз едва не брызжут слезы, когда я врезаюсь во что-то очень твёрдое, горячее и упругое.

Поднимаю взгляд, и! Какой мужчина...

Ах, разве можно быть таким? У меня сердце замирает, а потом резко пускается вскачь. Нужно воспользоваться моментом и попробовать спастись.

— Прошу, скажите, что я с вами, — судорожно оборачиваюсь на довольно высокий берег реки, с которого я только что кубарем слетела прямо в воду, в эту мощнейшую каменную стену.

И, словно по команде, там появляется отряд стражи, от которого я всё это время пыталась безуспешно сбежать.

Мужчина всей своей мощью нависает надо мной, и тут до меня доходит, медленно, но безжалостно, кого я о помощи попросила!

Мощной ручищей он без особого труда приподнимает меня за руку так, что приходится встать на носочки, и вместо голоса я слышу низкий рокот:

— Наконец, попалась! — Пронзает меня взглядом своих невероятных тёмных глаз, а я едва дышу от страха.

Огромный! Какой же он огромный! И теперь даже понятно почему...

Вот я попала!

— Так она с вами? — Слышится сверху раздражённый голос, который я за эту погоню слышала ни раз.

— Три дня её ищем, — низкий бас раздаётся практически на самом ухом. Мне кажется, даже вода, в которой мы стоим, готова подчиниться такому голосу.

— Тогда заплатить следует. Мы уж думали, что её в рабство передать надо. А то одна, без мужчины.

Нет, только не это! Я ведь только сбежала, и опять в рабство?

Что за мир то такой, где девушек без опекуна-мужчины в рабство забирают?!

— На берегу сойдёмся, тут неподалёку есть спуск, — грозный голос незнакомца звучит властно и уверенно. Мои преследователи даже не думают с ним спорить.

А я пытаюсь понять, как же я из одной беды попала в другую. И почему кожа у этого великана такого необычного цвета?

Одно движение, и под ногами моими уже ничего не чувствуется. Широко распахнув глаза, я хватаюсь холодными руками, обвивая его мощную горячую шею. А он точно рядом со мной в той же ледяной воде стоял только что?

Жар мужского тела быстро согревает меня, мощные руки надёжно обхватывают талию и придерживают под дрожащими коленями.

А на берегу нас ждёт, нет, не отряд стражи. Они ещё не

успевают сюда спуститься.

На берегу стоит скала не меньше того, на чьих руках я оказалась. Огромный, не меньше. В ладных кожаных доспехах и с таким же тёмным взглядом.

Сердце пускается вскачь.

Тех ли я о помощи попросила?

Пугающая мощь веет от этих двоих. Кожа зелёная, словно камень какой драгоценный. А в остальном ну истинные красавцы. И красота у них необычная. Мужская. Суровая.

Линии резкие, даже немного грубые. Но при одном взгляде на них кажется, что всё правильно. Так и должно быть.

Мотаю головой.

Это что ещё за мысли такие, Яра? Ты что себе позволяешь?!

— Отпустите меня, — голос предательски дрожит, а пальцы мертвой хваткой цепляются за этого великана, словно за последний оплот.

— Так ты с нами или как? — шепчет он, а по телу растекается приятная пугающая волна тепла от его голоса.

Я даже не могу для себя определить боюсь я его больше или восхищаюсь.

Ответить не могу. Не хочу пищать, словно загнанная в угол мышка, а потому лишь киваю.

— Тогда не отпускай, — его губы растягиваются в подобии улыбки, и я в очередной раз ловлю себя на мысли какой же он огромный и красивый.

И сама этого же в ту же секунду пугаюсь!

Отряд стражи, от которого я уже три дня бегаю, но он постоянно меня нагоняет, наконец добирается до временной стоянки двух здоровяков.

— Вы откуда будете? — Щурится главарь стражи, высокий, с неприятными бегающими глазками, от одного взгляда которых у меня становится липко на душе, и хочется вернуться в реку, чтобы этот взгляд смыть.

Ещё и намокшая ткань платья непозволительно сильно в таком положении обтягивает тело вторя каждому изгибу.

— С земель орков, клан Стали, — приятным басом произносит тот, у кого на руках я до сих пор нахожусь.

Всё-таки орк? Я, конечно, предполагала... Слышала о них, но и подумать не могла, что они такие огромные! И необычные.

Они же страшные, как чудища из сказок. А тут только и есть, что цвет кожи отличается. Так он им, кажется, даже идёт.

— Сколько с нас за то, что привели к нам нашу красотку? — от его слов жар приливает к щекам, а мне хочется закрыть лицо руками.

За год в Каэнталле у меня и правда сильно внешность изменилась. Из неприметной дурнушки, коей я была в нашем мире, я стала настоящей красавицей, но слышать такое от мужчины...

— Пять золотых, — прерывает мои мысли мерзкий голос

стражника.

А я тут же пытаюсь судорожно сообразить, сколько лет мне потребуется, чтобы отработать такую сумму! Но орк и бровью не ведёт. Кивает своему товарищу, и тот кидает стражнику небольшой туго набитый мешочек.

— Здесь серебром, но можешь не переживать, не обидим, — ухмыляется орк, а потом вмиг становится серьёзным. Таким, что даже мне страшно становится. — Спасибо, что вернули нашу собственность. Дальше мы с ней сами разберёмся.

Дорогие наши читательницы!

Приглашаем вас в свою новинку

"Их желанная добыча"

АННОТАЦИЯ

Я оказалась в руках трёх космических воинов! А надо-то было просто случайно активировать настоящий боевой корабль в городском парке аттракционов.

Вдобавок ко всему они решили, что я не только шпион и причина всех их бед, но и желанная добыча!

В книге есть:

Обжигающие сцены, после которых нужен огнетушитель##

##Три опасных, но оооочень привлекательных космо-во-ина##

####Обязательный хэппи энд####

НАЧАЛО ИСТОРИИ ТУТ: <https://litnet.com/shrt/JoJQ>

Глава 2

У меня сердце едва не уходит в пятки после его слов. Может, всё-таки пора бежать? Пока они здесь разбираются с монетами.

А ведь горячие сильные руки до сих пор держат меня крепко и довольно высоко над землёй.

Всё-таки он огромен.

Кровь отливает от моего лица, когда я понимаю, что остаюсь наедине с двумя орками!

— С-спасибо, — выдавливаю из себя улыбку. — Не могли бы вы поставить меня на землю? — Голос предательски дрожит, выдавая мой испуг. — Скажите, как вас найти, я потом обязательно всё верну!

— Каким это образом, интересно узнать, — низкий бархатный бас заставляет внутри меня всё ещё раз содрогнуться, а затем сжаться в крохотный комочек.

Я замираю, ведь у меня нет ответа на этот вопрос.

— Голодна? — Внезапно спрашивает незнакомец и всё-таки ставит меня на землю. Его серебристые волосы мокрые от воды ниспадают по огромным мышцам. — По глазам вижу, что голодна, — не дожидаясь ответа говорит мой спаситель.

Но внутри всё держится в напряжении. Для чего он меня спас? Что потребует взамен? Что может понадобиться им от

девушки?

Второй незнакомец такой же огромный, но с чёрными волосами, пока молча наблюдавший за нами внезапно вмешивается:

— Шаэрон, не видишь, пугаешь девчонку, — он хмурит брови и становится ещё более суровым, а голос его отличается от первого твёрдостью и звучит как завораживающий рокот.

— Сама о помощи попросила, — Шаэрон нависает надо мной пугающей скалой. — Выбирай уж сама. Либо с нами пойдёшь до границы, либо можешь и дальше бегать от стражи.

Ответить мне даже самой себе страшно на подобный вопрос.

— Только до границы? — Спрашиваю едва слышно. — И потом разойдёмся?

— Если есть куда идти, — он легко пожимает плечами.

Такой вот выбор без выбора. Либо с устрашающими незнакомцами, либо обратно в рабство.

Рабыней я уже побывала, так что...

— Меня Айкинель зовут, — представляюсь я привычно, хотя это изначально не было моим именем.

Его мне дали, когда я попала в рабство, а моё казалось всем слишком странным для Каэнделла.

Шаэрон кривится.

— Айка, значит, — выдыхает он. — Обед будет через пол-

часа, можешь пока обсушить свои вещи у костра. — А его Эррог зовут.

— Шаэрон, на пару слов, — кивнув головой в сторону, зовет его Эррог.

Мне становится как-то не по себе.

С одной стороны, и правда шанс улизнуть. Но врать глупо даже самой себе. Денег у меня нет. Три дня я лишь ягодами и питалась, да воду из ручья пила.

Не привыкшая я к такой жизни. А как в этот мир попала, сразу на мануфактуру работать угодила, да там едой и ночлегом обеспечена была.

Всё-таки решаюсь выбрать неизведанный путь. Так я хотя бы не буду жалеть, ещё раз попавшись. Других таких спасителей, пусть и пугающих, на моём пути может и не встретиться.

Я осторожно опускаюсь у костра, вытянув ноги. И решаю, что бесполезной точно не буду.

Они носят кожаную броню, а значит, работа для меня найдётся.

Проходит совсем немного времени, прежде чем мужчины возвращаются.

Как я не прислушиваюсь, напрягая слух изо всех сил, но их разговор услышать невозможно. Так что остается только надеяться, что орки не едят людей, и это не были их последние деньги. Хотя напряжение чувствуется в воздухе, словно наэлектризованном перед неминуемой грозой.

— Решила? — Грубый голос Эррога заставляет меня вздрогнуть.

— Я в знак благодарности могу руны защитные и узоры на вашу броню нанести во время пути. Это можно считать платой за сопровождение до границы? — У меня едва хватает сил, чтобы поднять на них взгляд.

Встречаю недоверчивый прищур, а внутри всё холодеет.

— Я рабыней при мануфактуре работала, если найдётся инструмент, то и узоры хорошие сделать смогу, и рун к ним добавлю, — чувствуя, как пылает лицо от волнения, выдыхаю я.

— Не обманешь? — Голос Эррога становится похожим на хищный рык. А меня это откровенно задевает.

— Разве же я? — начинаю возмущённо, но тут же осекаюсь. — Вы ведь от стражи меня спасли, денег им дали. Пять золотых! — выдыхаю и отвожу взгляд, не выдержав этого напряжения. — Я не смогла бы отплатить за добро подлостью...

— Вижу, что не врёт, — смягчается Шаэрон. — Если не веришь, пусть Айка мне первому руны на броню нанесёт. А уж инструмент её какой-нибудь в ближайшем городе найдём.

— Ты за неё отвечаешь, — бросает Эррог. — Я коней почищу, а ты обедом займись, — быстро распределяет он между ними обязанности и уходит вдоль берега, где в низине на лугу отдыхает пара красивых жеребцов.

Два. Их всего два?

Как мы ехать-то тогда будем?

Глава 3

Спустя час, за который я так и не решаюсь проронить и слова, Шаэрон протягивает мне металлическую миску, полную различной еды.

Там и запечённые овощи, корнеплоды и нечто, похожее на гигантскую креветку.

— Держи, это тебе. Медведка особенно вкусная, — на его лице появляется пугающая улыбка.

Запах стоит умопомрачительный. Но, во-первых, что за медведка? И во-вторых, у меня такое чувство, словно они меня, как в страшных сказках, откормить желают прежде чем съесть!

— А медведка – это что? — робко интересуюсь я, всё-таки принимая тарелку.

Хотя порция кажется такой огромной по сравнению с теми, что нам выдавали, пока я на мануфактуре работала. Я и мясо-то не помню, когда ела в этом мире. Да и не уверена я, что нечто похожее на котлеты его вообще содержало.

— Вот, медведка, — показывает он на гигантскую креветку и садится напротив меня у костра.

— А Эррог не будет с нами есть? — мой голос, кажется, становится ещё тише.

— Будет, — кивает Шаэрон. — Позже присоединиться. И сразу в путь.

Я молча утыкаюсь в миску с едой, с опаской пробуя что-то новое. Но к моему удивлению всё оказывается невероятно вкусным! Креветка обладает привычной текстурой, а овощи буквально разваливаются во рту. Томлёное мясо и вовсе тает во рту.

Я настолько увлекаюсь, что не замечаю, как достигаю дна. Впервые в этом мире я ем что-то правда вкусное. Жадно поглощаю всё до малейшего кусочка, боясь оставить и крошку.

На глаза наворачиваются слёзы.

Я уже думала, что никогда здесь не попробую нормальной еды.

Всё-таки решение сбежать было правильным. Я даже немного благодарна тому, что этот мерзкий Нэмрад решил меня тогда присвоить. Сколько бы я ещё провела на мануфактуре, если бы этот обрюзгший мужлан не решил, что любая рабыня будет рада его обслуживать в постели?

Не для него я свою невинность берегла, что в родном, что в ином мире!

От воспоминаний мне становится жутко, пальцы холодеют а то яркое чувство от вкусного обеда постепенно тает, словно становится призраком.

— Что не так? Тебе плохо? Не вкусно? — Рубленные фразы звучат грубо, но в то же время в них чувствуется только забота.

Такая, что даже и не ожидаешь от этого хмурого гиганта

с мускулами.

— Нет, всё очень вкусно, — мотаю головой и поспешно вытираю слёзы. — Очень-очень! Позвольте мне помыть посуду.

Он не отвечает. Лишь кивает, кинув на меня встревоженный взгляд.

Я собираю всё, что вижу, и спускаюсь к реке.

Первым делом поспешно умываюсь. Холодная вода быстро помогает мне прийти в себя и отбросить страшные воспоминания.

Я сбежала. Я правда сбежала. И теперь отправлюсь к границе с этими двумя страшными воинами. Но оно и хорошо. Разве кто осмелится напасть на них? А значит, и я буду в безопасности.

Когда я заканчиваю с посудой, Эррог уже доедает свою порцию, не глядя на меня.

Шаэрон благодарно кивает, принимая у меня тарелки и складывает их по сумкам.

— Со мной поедешь, — коротко бросает он, также не глядя в мою сторону.

Напряжение внутри вновь подскакивает.

— Я могу идти рядом, — понимаю, что это звучит настолько же внезапно, насколько и глупо.

— Ты же не скот, — обернувшись, он окидывает меня цепким взглядом, от которого моё тело обдаёт мощным жаром, словно ветер внезапно становится знойным, пустынным.

ным. — Поедешь со мной, — зачем-то повторяет он, и звучит это так, словно ещё раз он подобного не скажет.

А я и правда не скот. И если откажусь, то сама принужу себя перед ними. Остаётся лишь надеяться, что его конь справится с двумя всадниками.

Когда привал заканчивается, оба мужчины слаженно, не говоря ни слова занимаются своими делами, пока не настанёт пора двигаться в путь.

Я замираю у коня Шаэрона, не зная с какой стороны к нему подойти. От животного веет необычайной силой и статью, присущей и его хозяину. Чувствуется, что они оба достойны друг друга.

А вот я... Единственное, что я сейчас из себя представляю, — это комок страха.

Но стоит только мне об этом подумать, как крепкие руки подхватывают меня за талию, словно я ничего не вешу, и уверенно усаживают в седло.

Чуть вскрикнув, цепляюсь за гриву, но животное подо мной проявляет удивительную стойкость. Он словно и не замечает меня.

— Молодец, Орон, — похлопывает по могучей шее своей ручищей Шаэрон и запрыгивает следом на коня. — Всё равно в городе хотели прикупить ещё одного жеребца для перевозки вещей. Думаю, он тебя и не заметит.

А я и ответить ничего не могу. Лишь чувствую спиной через тонкую ткань платья мощную бугристую мужскую грудь,

от которой мне в мгновение становится жарко.

Одна его рука уверенно прижимает меня к себе за талию, а другой он берёт поводья коня.

— Ну, в путь. Нужно успеть до темноты в ближайший город. Трактиров по пути не будет, иначе под звездами придётся тебе с нами спать.

Глава 4

– Ну, в путь. Нужно успеть до темноты в ближайший город. Трактиров по пути не будет, иначе под звездами придётся тебе с нами спать, – произносит Шаэрон своим низким голосом, от которого у меня разбегаются мурашки по всему телу.

Он говорит так, словно это решено уже, и меня никто спрашивать не собирается.

Я замираю в шоке, будто разом ледяной воды ушат вылили за шиворот, и какое-то мгновение только хлопаю ресницами, не в силах понять, что он имел в виду.

Мне придется спать... с ними? У костра под звёздами, всем вместе?

Внутри всё сжимается, выдохнуть не могу, воздух застревает в груди. Сердце вмиг разгон берет, будто в галоп срывается. Долбит по ребрам гулками быстрыми ударами.

Нет, нет, нет!

Не собираюсь я ни с кем спать. Не для того я сбежала с мануфактуры, когда хозяин решил, что я должна ублажать его в постели, чтобы мною орки воспользовались.

Еще и двое! Ох, даже представить такое страшно. Они же огромные, я против них все равно что мотылек против волка, они даже не заметят как раздавят.

И непонятно совершенно, что у них на уме. Вроде бы

только что заботились обо мне, накормили так, что до сих пор в сон клонит. Но как знать, вдруг они недоброе задумали?

Я украдкой смотрю на едущего рядом Эррога.

Он, словно чувствует, тут же перехватывает мой взгляд, улыбается одним уголком рта. Но глаза его остаются холодными, и я поспешно отвожу взгляд, опускаю глаза. Смотрю на развевающуюся гриву коня, пока мысли мои скачут напуганными зайцами.

Что же мне делать? Щеки румянцем горячим опалает, а язык словно к нёбу приклеивается. Понимаю, что прямо спросить их у меня не выйдет, даже если б захотела. Да и боязно спрашивать, я не знаю их обычаев и правил. Вдруг еще подумают, что сама напрашиваюсь, желая рассчитаться с долгом.

А долг-то какой огромный! Пять золотых! Я и за три года на мануфактуре таких денег не заработаю ни за что.

Вот я попала так попала! Даже и не знаю теперь к лучшему ли, что я сбежала от прежнего хозяина. Или, напротив, – к беде?

В голове пусто, нет совсем идей, как мне спастись от них, если они чего удумают.

Медленно поворачиваю голову, оглядываюсь на Шаэрона через плечо. Но он смотрит вперед, сосредоточенный и суровый. Эррог скачет рядом с таким же непроницаемым каменным лицом. Они оба даже не заметили моего смятения.

Торопятся доехать до темноты, то и дело подгоняя коней. Цепляюсь за эту мысль, и теплее от неё становится. Ведь если бы орки хотели мной овладеть, то вряд ли торопились бы в город.

“Спать под звездами”— это, наверное, они имели в виду, что ночлег в чистом поле придется устраивать, если не успеем к ночи доехать, а не ... всё остальное. Что я себе накрутить успела.

Я крепче хватаюсь за эту догадку. Да, именно так: они лишь спасли меня, заплатив за меня целое состояние, накормили, и везут в город. И ничем не намекали на что-то большее. Пока не намекали. Так что все хорошо будет. Наверное.

Дорога ныряет в низину, уходит в лес, становясь всё уже и уже. Ветки деревьев то и дело цепляют плечи, хлещут по рукам. И мужчины придерживают коней, переводя их на шаг.

Сумерки сгущаются быстро, словно кто-то на небосклон накидывает темный платок. Зябко сразу становится. И страшно. Да и есть от чего. Едем в самую гущу леса.

Но Шаэрон всё так же спокойно держит меня за талию, прижимает спиной к своей мощной груди. Низкий рокот его слов отдается внутри:

– Айка! Ты испугалась что ли? Затихла вдруг. Дорогу мы знаем, скоро будем уже, успеем!

И я ему верю. Необъяснимо, но его спокойный грубый голос, жар его тела, согревающий меня через тонкую ткань платья, успокаивают меня. Я сама прижимаюсь к нему бли-

же, впервые за очень долгое время чувствую, что я в безопасности.

Я не одна.

Рядом два огромных воина, их кони идут уверенно и спокойно, и мне кажется, что в этом мире нет никого, кто бы посмел им навредить. Расслабляюсь в руках Шаэрона и прикрываю глаза на миг.

Только чувство это быстро проходит. Сама не понимая отчего, но вдруг встревоженно сажусь ровней на коне. Всматриваюсь в темнеющую чащу леса. Кажется, что кто-то проскользнул за деревьями.

Или не кажется?

– Шаэрон, – шепчу еле слышно срывающимся голосом, – там кто-то есть, – нерешительно машу рукой в сторону густых кустов, что тянутся по кромке леса.

Вместо ответа мужчина лишь плотней прижимает меня к себе. И я чувствую, как мгновенно напрягаются его мышцы. Он и так словно скала был, а теперь стал еще мощней и опасней.

Я так крепко прижата к нему, что слышу, как ровно бьется его сердце. Он не боится вовсе!

Эррог чуть обгоняет нас. Поднимает руку и слегка отклоняет коня в сторону, замедляя ход.

Сердце у меня колотится так, словно хочет проломить ребра и выскочить наружу, сыграть барабанную дробь.

Орки хмурятся, изредка бросая взгляды за темнеющие де-

ревья, но коней не разворачивают и с дороги не сходят. Мы всё также едем вперёд, разве что медленней.

Проезжаем ещё несколько шагов, и там, где дорога резко берет вправо, вдруг натываемся на людей.

На вид – обычные лесные разбойники. Облюбовавшие местечко для засады. Явно ее не в первый раз устраивают. Чувствуют свою власть в темном лесу, где и дорогу-то с трудом разберешь, особенно в темноте!

– Дальше дороги нет! – заявляет один их них, видимо, главарь. Одет он чуть лучше прочих, и лошадь под ним справная. – Заплатить надобно за дорогу, господа хорошие! Или золотом или кровью. Хотя, – Он замолкает и выразительно смотрит на меня, словно приценивается, – Можем и девкой взять.

Визуализация

Дорогие читатели! Рады приветствовать вас в нашей горячей новинке и спешим познакомить с героями истории:

Наш спаситель Шаэрон

Хмурый, но не менее горячий Эррог

А вот с визуалом для нашей девочки просим помочь вас!

Какая из картинок по вашему мнению более подходит для Айки? Напишите нам в комментариях ♥️#

- 1.
- 2.
- 3.

Если вам по душе эта книга, то ей можно подарить звездочку, что означает, что она вам нравится. и добавить в библиотеку, чтобы не потерять

Глава 5

У меня мороз прокатывается волной по всему телу, и я в тот же миг чувствую, как тепло за спиной сменяется внезапным холодом. Всё это потому, что Шаэрон одним ловким движением сперва сам слетает с коня, – ведь из-за стремительности по-другому это никак и не назовёшь, – а следом, с лёгкостью и меня спускает на землю, подхватив за талию.

Сердце с гулким звуком падает куда-то вниз живота, заставляя меня замереть в ступоре, а следом я замечаю, как на лице главаря бандитов расплзается сальная улыбка.

Боюсь, вариант отдать меня разбойникам в качестве выкупа, кажется оркам подходящим. Конечно, они ведь пять золотых за меня отдали!

Кровь отливает от лица, и я вот-вот уже готова пуститься куда угодно в сторону, как Шаэрон буквально впихивает поводья своего коня мне в руки:

— Держи. Он смирный, — только и говорит мужчина, рубленными короткими фразами.

А я и узнать его не могу!

Орк. Настоящий! Мамочки...

До боли вцепляюсь в кожаный ремешок у меня в руках, не зная кого мне бояться сильнее. Его или разбойников.

Кажется, даже его мышцы становятся во много раз больше и массивнее. Челюсть приобретает более острые черты, а

нижняя губа слегка выпирает, обнажая белоснежные пугающие клыки, словно у дикого зверя.

Он протягивает руку за меня и вытаскивает из ножен огромный меч, резко разворачивается и со всей своей мощью швыряет его рядом с главарём разбойников, попутно прорезая того, кто стоял с ним рядом и приколавывая его к земле.

Тот медленно съезжает по клинку на землю, не подавая признаков жизни.

Мне мгновенно становится плохо, я едва сдерживаю рвущийся наружу обед, который к этому времени уже должен был бы перевариться.

Эта картина ещё долго стоит у меня перед глазами. Я даже не замечаю, как Шаэрон и сам бросается следом вперёд. Вижу его лишь в тот миг, когда он достаёт этот меч и стряхивает с него кровь.

Мне плохо становится во второй раз.

Эррог тоже там. Разбойники даже понять не успевают, что происходит, как мощный удар древка от копья сбивает с ног сразу троих.

Поняв, что они явно проигрывают, те, кто ещё может, разбегаются в стороны, словно тараканы при включённом свете.

А те, кто не может, едва ли не на четвереньках пытаются убраться с дороги.

Краем сознания я понимаю, что было бы желание, Шаэрон и Эррог догнали бы их в тот же миг.

Но они лишь демонстративно очищают оружие и направляются обратно к своим коням.

И ко мне.

Запах крови резко ударяет в нос, как только Шаэрон оказывается рядом. Мёртвой хваткой я всё ещё держусь за поводья, как за последнюю связь с реальностью.

А как только понимаю, что всё вокруг меня начинает плыть, очертания становятся размытыми, а зрение теряет фокус. Кажется, всё закончилось. Я погружаюсь во тьму.

В себя я прихожу спустя какое-то время верхом на коне и плотно прижатая к мощной мужской груди, которую я отчётливо чувствую сквозь тонкую ткань одежды на мне.

Тут же становится дурно, и я зажимаю рот ладонями, в очередной раз пытаюсь сдержаться, чтобы меня не вывернуло наизнанку.

— Пришла в себя? — Слышу над ухом рокочущий голос и тут же холодею, несмотря на пронизывающий меня жар мужского тела. — Эррог, сворачивай, будем делать привал, всё равно до города не успеем.

И тут вспоминается брошенная Шаэроном фраза о том, что мне придётся провести с ними вместе ночь под звёздами.

Но это плохо доходит до моего сознания. Увиденная мною картина никак не хочет покидать меня. Перед глазами всё ещё стоит образ бандита, нанизанного на меч.

Пока они готовят лагерь к ночлегу неподалёку от реки, я вызываюсь собрать хвороста, лишь бы подальше быть от тех,

кто пугает меня сейчас даже больше, чем предсумеречный лес.

— Это моя обязанность, — сухо бросает Эррок и направляется вслед за мной.

Справляется он, конечно, в разы быстрее. Когда у него уже готова целая охапка веток, я держу в руках скромную кучку.

Эррок командует возвращаться. Побывать одной не удаётся, но и спорить мне сейчас как-то себе дороже. Следую за ним, стараясь ступать как можно осторожней. Да только получается так себе.

Орк вот, к примеру, почти никаких звуков не издаёт, когда передвигается по лесу, несмотря на его внушительные размеры. А от меня один лишь шум.

Теперь понятно, как меня постоянно стража отлавливала, когда я сбежать от них пыталась.

Когда мы возвращаемся, уже подготовлено место под костёр, в котлах стоит вода, а Шаэрон кромсает овощи огромным ножом, больше похожим на топор.

Ни палатки, ничего. Выходит, и правда, будем спать под звёздами. Но после увиденного меня это пугает куда меньше, чем те чудовища, какими они становятся в гневе.

Чем дальше вечереет, тем я сильнее ощущаю холод, идущий от реки.

Заметив это, Шаэрон накрывает меня плащом, пахнущим точь-в-точь как он, с примесью аромата луговых трав.

И это тепло кажется таким естественным, таким мягким,

что я потихоньку начинаю успокаиваться после их грозного вида и неловко поднимаю глаза, окинув мужчину внимательным взглядом.

Блики костра мелькают на его лице и нет в нём того страшного монстра, которого увидела на дороге. Сейчас он пугает, но уже не настолько.

Всё-таки это было ради защиты.

Глава 6

Блики костра скользят по лицу Шаэрона, подсвечивая чёткие линии скул и тёмные ресницы. На лице нет и следа прежней ярости, что еще совсем недавно делала жутким его облик.

Сейчас в нём нет ничего от того страшного монстра, только спокойная сила и уверенность, от которой, почему-то становится немного легче дышать. Набираю полную грудь воздуха.

Запах дыма от костра уносится прочь, смешивается с ароматами луга. Звуки постепенно стихают, становятся глуше.

На поляну опускается ночь. Расцвечивает низкое бархатное небо множеством звезд.

Эррог молчит и сосредоточен на своих делах – привязывает лошадей, развешивает попоны сушиться. Да еще раскладывает оружие так, чтобы в любой момент можно было схватить нужное. Для него это – обычное дело, а вот мне не по себе становится на миг.

Я ничего об орках почти не знаю, кроме того, о чем шептались другие рабыни на мануфактуре. В основном ужасы всякие рассказывали об их жестокости и коварстве, о необычайной силе и выносливости и полном отсутствии жалости.

Теперь, когда я их в бою увидела, понимаю, что все рассказы правдой были. Но почему-то где-то в глубине души

словно маленький огонек греет мою убежденность, что я с ними в безопасности.

Они не будут ко мне суровы.

Шаэрон и Эррог ведут себя так, будто так и было задумано — под звездами ночевать.

Всё у них упорядочено и как-то надёжно, словно своим чередом идет. Не ругаются, что до города не успели, молчат, каждый занят своим делом.

Подтягиваю колени к груди, сворачиваюсь калачиком под плащом, прячусь от подступающей со всех сторон ночной прохлады.

День был долгим, слишком долгим, и усталость словно вязкий туман медленно накрывает голову. Глаза начинают слипаться, мысли путаются, и мне кажется, что я вот-вот усну.

Но почему-то словно застреваю между сном и явью.

Прислушиваюсь к треску костра и редким перекликам ночных птиц. Тихим звукам располагающихся на ночлег орков.

Ночь шелестит травами. Пронизывает снами.

Не знаю, сколько проходит времени. Сон подкрадывается мягко, словно теплая волна, но не успеваю я провалиться окончательно, как сквозь полудрёму начинают просачиваться голоса. Глухие, низкие, они звучат приглушённо, будто не для чужих ушей, но именно поэтому каждое слово цепляет сознание.

– Как думаешь, это может быть она? – спрашивает Эррог.

Я лежу с закрытыми глазами, но отчего-то угадываю, что он в этот момент хмуро смотрит на меня, притворяющуюся спящей. В его глазах загорается и гаснет огонек сомнений. Он с сожалением качает головой.

– Не хотелось бы, – вздыхает Шаэрон и поднимается, чтобы поправить плащ, аккуратно прикрыв мое раскутанное плечо, и заботливо подоткнув его со всех сторон. – Не хотелось бы, – упрямо повторяет он задумчивым и каким-то отстраненным голосом. – Но время покажет, каждому уготована своя судьба под взором духов.

Я стараюсь дышать медленно и ровно, чтобы не выдать себя, но кровь шумит в ушах, и кажется, что они вот-вот услышат стук моего сердца. Могу ли я ошибаться? Могу ли не так понять слова? Наверное... Но не спросишь же напрямую, о чем они говорили, пока я спала.

– И что тогда? – упорствует в расспросах Эррог.

– Сам знаешь, что... – глухо отвечает ему Шаэрон, обрывает фразу на полуслове и резко меняет тему: – Спать давай!

Оба замолкают. Но я слышу, что никто из них не поднимается и не отходит от костра, не укладывается на землю. Так и сидят, глядя, как яркие искорки от костра уносятся далеко в небо, к звездам. Словно там, у этих звезд есть ответ о том, что приготовила судьба.

А меня окончательно сморяет сон.

Проваливаюсь в него как в черную пропасть.

Оказываюсь снова на той мануфактуре, где я была рабыней последний год.

Сырой запах дубильных растворов смешивается с густой, тяжёлой вонью кожи, пота и дыма от факелов. Всё это тянет-ся липкой пеленой, давит на грудь, разъедает глаза до слёз.

Шум кожевенной мануфактуры: скрежет ножей, глухие удары молотков, грохот тяжёлых чанов, смешивается с головами других рабынь и резкими окриками надсмотрщиков.

— Ах вот ты где! — голос за спиной звучит торжествующе.

Вздрагиваю всем телом от звука закрывающейся двери и щелчка замка. Мне и поворачиваться не надо, чтобы знать, что это Нэмрад, хозяин мануфактуры. Я уже две недели удачно бегаю от него, выдумывая разные причины, отчего я не могу прийти к нему ночью в постель.

Видимо, отбегалась. За спиной раздаются его тяжелые шаги. Мое сердце в унисон с ними бьется. Бум. Бум. Бум. Словно отмеряет расстояние до начала конца.

Несколько секунда и он оказывается слишком близко. Обдает меня запахом своего немытого жирного тела. Внутри все завязывается в тугой ком, к горлу подкатывает тошнота от одного взгляда на него и звуков его голоса.

Сальный взгляд оглядывает меня, словно я какое-то блюдо на его столе. Губы растягиваются в мерзкую ухмылку:

— Ты теперь моя, — шепчет он, тянет ко мне свои ла-

пищи, — Должна благодарить за то, что я выбрал тебя. Будешь стонать подо мной, как миленькая! Научу тебя, как меня ублажать.

— Нет... — голос предательски дрожит, выходит так тихо, что сама его едва слышу.

На глаза слезы наворачиваются, дрожат на ресницах. Закусываю губы, чтобы не разреветься.

— Должна, — говорит он уже громче и резко хватает меня за запястье, разворачивает и тянет к себе, а я ощущаю его горячее, липкое дыхание на своей коже. — Ты обязана радовать своего хозяина!

Я дергаюсь, пытаюсь вырваться, но он только сильнее сжимает свои толстые пальцы на моей руке.

— Сегодня ночью, — шепчет он, и его губы растягиваются в довольной, отвратительной улыбке. — Не вздумай прятаться снова. А то найду и высеку кнутом! Поняла?

Руки его лезут выше, по руке, гладят плечи, опускаются к груди.

Сердце тарабанит так сильно, что кажется, вот-вот проломит ребра и выпрыгнет прочь.

Я пытаюсь оттолкнуть Нэмрада, но он словно стена, смрадная, липкая, неотвратимая — не сдвинешь. Остается лишь покориться.

Но я собираю все силы и кричу, что есть мочи:

— Отпусти меня! Не-е-ет!

Распахиваю глаза. Я с колотящимся сердцем сижу в чьих-

то крепких объятиях, притиснутая к мощной груди.

Мне требуется несколько мгновений прежде чем осознать, что все это был лишь сон. Я здесь сейчас, с орками. А не в постели хозяина мануфактуры.

Хочется разрыдаться от счастья.

Осторожно поднимаю голову и натыкаюсь на внимательный взгляд Эррога. Мужчина нежно покачивает меня в своих руках, словно баюкает:

– Т-ш-ш! Тише, тише! Это был всего лишь сон. Засыпай. Завтра рано с утра в путь. Спи, спи давай. Никто тебя не обидит.

Голос рокочущий, низкий. Но мне не страшно. Голос звучит так уверенно, что верить ему хочется. И я верю.

И что самое странное, я засыпаю, как он и сказал. Быстро проваливаюсь в сон, на этот раз без сновидений.

Просыпаюсь от того, что все тело буквально горит от жара, словно в баню попала. Пытаюсь пошевелиться, скинуть плащ. Только мне это не удается. Я зажата между двумя спящими орками. Лежу между ними. Не выбраться.

Но стоит мне сделать малейшее движение, как оба сразу же открывают глаза, словно по команде, ловят меня на прицел своими взглядами.

ZxEDD4ie – промик на книгу Жена первого короля орков от Таи Мару

Глава 7.

Сборы в путь проходят стремительнее, чем я могла даже подумать. Утро встречает нас колючим ветром и низким серым небом.

Сейчас единственное, что согревает меня – это жар от мужского тела за моей спиной, но и он резко контрастирует с прохладным встречным ветром, бьющим в лицо.

Я едва сдерживаю дрожь, силясь не выдать, как мне холодно в моём единственном лёгком платье.

Орки, кажется, не замечают ни ветра, ни холода. Осень, пусть ещё и не наступила, но уже уверенно заявляет о своих правах.

Мы въезжаем в город с первыми лучами солнца, пробивающимися сквозь тяжёлые тучи. Город сильно отличается от того, в котором я работала на мануфактуре. Здесь нет гигантских строений и кучи смога. Даже дышится легче и приятнее.

Мы продвигаемся по узким улочкам, спешившись. Я с любопытством разглядываю домишки, некоторые из которых покосились. Воздух заполнен запахами дыма, скота и свежеспечённого хлеба.

Я впервые оказываюсь в другом городе этого мира и не могу скрыть рвущегося наружу любопытства.

Но ярче всего я замечаю прохожих. Много людей, оборо-

чивающихся нам вслед. Их взгляды колют сильнее ветра. В них смешано любопытство, страх и даже неприязнь, но никто не решается подойти слишком близко.

Два огромных орка — достаточно мощная защита для хрупкой девушки, как я.

Первой остановкой внезапно становится лавка торговца. Шаэрон буквально вталкивает меня внутрь, кивая на полки с одеждой. Эррог остаётся снаружи, чтобы стеречь лошадей.

— Выбирай. Тёплую. И практичную, — его голос не терпит возражений, а от взгляда мне становится не по себе.

Я молча киваю и пробираюсь между стеллажами. Глаза разбегаются, но не от разнообразия выбора, а от цен.

Впервые, как и в другом городе, я оказалась в магазине. Рабам не позволено такой роскоши, как выбор.

В груди неприятно защемило.

Простые шерстяные штаны стоят два серебряных, тёплая рубаха — три, плотный плащ — целых пять!

Я подсчитываю в уме отданные за меня пять золотых и чувствую, как земля уходит у меня из под ног. А ведь они ещё и кормят меня так вкусно, что я и представить себе не могла!

Сумма долга постепенно вырастает до небес и становится неподъёмной, пугающей.

— Эту, — робко протягиваю ему самую дешёвую рубаху.

Шаэрон хмыкает, выхватывает у меня её из рук и вешает обратно.

— Дрянь. Разойдётся по швам за день. — Его мощная рука снимает с вешалки другую рубаху, из плотной добротной ткани. — Эту.

— Но она же... — начинаю я, но встречаю его стальной взгляд и замолкаю.

Сердце бешено колотится в груди. И так страшно мне становится. Также происходит и с плащом, потом со штанами. И парой крепких сапог.

Он выбирает всё самое лучшее, самое дорогое, даже не глядя на ценники. А я уже мысленно прикидываю, сколько лет мне придётся работать на них, чтобы расплатиться за этот гардероб.

Жутко становится до тошноты.

— Это убережёт от холода и лихорадки. Лучше заплатить за тёплую одежду, чем за лечение знахарю, — сурово произносит Шаэрон, видя моё бледное лицо.

Ещё добирает к этому всему несколько комплектов нательного белья и различных мелочей.

Затем мы отправляемся в лавку ремесленников. И здесь та же история. Я показываю на простой, дешёвый набор для гравировки по коже. Шаэрон молча берёт его, кладёт обратно и указывает продавцу на другой, с рукоятями из тёмного дерева и блестящими стальными наконечниками разной формы.

— Этот.

Я уже не спорю. Просто сжимаю кулаки, чувствуя, как тя-

желеет моя ноша.

Последней покупкой становится большое шерстяное одеяло. Тяжёлое, грубоватое, но невероятно тёплое.

— Это для ночлега, — коротко поясняет орк.

После всех покупок мы устраиваемся в таверне “У седого быка”. Они бронируют одну комнату на двоих и отдельно ещё одну для меня смежную. Хозяйка сперва кривится, но как только они бросают на стол серебро, сразу протягивает два ключа.

Сама не замечаю, как пролетает день в этих походах по магазинам и разбору вещей.

Вечером мы спускаемся в общий зал ужинать. Запах жареного мяса и кваса кружит мне голову, напоминая о том, что с утра перекусывала лишь вчерашней лепёшкой.

Но я и этому должна благодарна быть, ведь раньше и подобной роскоши в Каэнтелле у меня не было.

Мы едим молча. Я пытаюсь уткнуться в тарелку, чувствуя на себе десятки осуждающих взглядов. Шёпот за соседними столами кажется оглушительно громким.

И вдруг к нашему столику подходит один щёголь. Высокий, дорого одетый с наглой хмельной ухмылкой, из-за которого у него видимо притупился инстинкт самосохранения.

Его глаза скользят по оркам, потом по мне и он фыркает.

— Что девочка, — его голос звучит громкими визгливыми нотами. — Раз уж зеленокожих ублажать не брезгуешь, так может, со мной сегодня ляжешь? Я и заплачу щедро, не

то что эти уроды.

Глава 8

Воздух в зале замирает. Я чувствую, как по спине бегут ледяные мурашки. Тишина кажется оглушительной.

Единственное, что я точно хорошо усвоила в этом мире, так это то, что девушка без любого сопровождения мужчины, который берёт на себя за неё ответственность считается рабыней.

И если сейчас орки за драку попадут в темницу, я останусь одна. И уже любой сможет сделать из меня товар.

Я вижу как мышцы на спине Шаэрона напрягаются. Эррог медленно, очень медленно откладывает нож, которым резал мясо. его пальцы сжимаются в кулак.

— Повтори, — тишину разрывает низкий рычащий голос Шаэрона.

Тот, ободрённый вниманием публики, делает шаг вперёд.

— Я говорю, пусть девица...

Он не успевает договорить. Эррог встаёт медленно, словно поднимается гора. Его тень накрывает наглеца. Тот задирает голову и ухмылка с его лица сползает, сменяясь замешательством, на смену которому приходит страх.

— Ты, похоже, ошибся столом, — голос Эррога звучит тихо, но при этом так чётко, что, наверняка, слышно каждому из присутствующих в зале. — И собеседником.

Одним движением он хватает болтуна за шиворот и бук-

важно вышвыривает его через дверь таверны на улицу. В зале стоит мёртвая тишина. Эррог обводит всех взглядом, но все тут же прячут глаза.

— Больше никто не хочет побеспокоить нашу спутницу? — его вопрос повисает в воздухе.

Ответом ему служит молчаливое покачивание голов и утыкание взглядов в тарелки.

Кажется, даже хозяйка таверны смотрит на него с уважением, а былая брезгливость исчезает.

Наверняка, каждый здесь думал, что сейчас будет драка, а хозяйка и вовсе мысленно подсчитывала ущерб. Но нет. Эррог разрешил всё с минимальными потерями.

Он возвращается к столу и садится как ни в чём не бывало, а у меня до сих пор слегка дрожат руки от напряжения.

Шаэрон накрывает своей огромной ладонью моё тонкое запястье.

— Ешь, — говорит он просто.

И я возвращаюсь к еде, которая, к сожалению, сегодня почти не имеет вкуса, сжигаемая стыдом, страхом и каким-то необычным облегчением.

Утром они собираются куда-то, а Шаэрон оставляет мне свою кожаную сумку, инструменты для резьбы и кусок мягкой, выделанной кожи.

— Попрактикуйся, сделай что-нибудь, — говорит он, глядя на меня тёмным внимательным взглядом. — Мы вернёмся к вечеру. Не выходи из комнаты. Никуда. И никому не

открывай.

Он протягивает мне узелок.

— Здесь пара лепёшек, вяленое мясо и яблоки. Кувшин с водой у тебя должен быть на столе.

Эррог на прощание лишь сурово хмурится. Я киваю, словно заводная кукла. Закрываю за ними дверь на ключ.

Некоторое время я просто сижу на кровати, прислушиваясь к звукам из-за двери. Продумываю узор, который подошёл бы для Шаэрона.

Когда образ становится более менее ясным, беру в руки инструменты.

Они идеально лежат в ладони, тяжёлые, сбалансированные.

Дорогие.

Мысли о долге вновь заставляют меня вздрогнуть.

Я выбираю самый острый резец и начинаю выводить на отдельном куске коже узор.

Сначала простые линии, чтобы привыкнуть к инструменту. Потом всё более чётко рождается идея для Шаэрона.

Что-то, что будет подчёркивать его мощь и необычайную силу.

Я вплетаю в узор руны защиты, которые видела в старых книгах на мануфактуре.

Так или иначе я использовала их неоднократно, но вперые делала это не по шаблону, а так, как велит моё сердце. Для кого-то, кого я знаю.

Линии выходят точными, уверенными и складываются словно по мановению неведомых мне сил. Всё-таки год работы в этой сфере прошёл не зря. А с таким ладным инструментом всё получалось быстрее и куда качественнее.

Полностью погружаюсь в работу, позабыв о течении времени. Сейчас есть только я и рождающийся под резцом рисунок, который, надеюсь, понравится ему.

Уверенная в том, что всё обязательно получится я принялась мысленно размечать пространство на сумке, куда этот узор точно должен убраться именно таким, каким сейчас я себе его представляю.

От медитативного состояния меня отвлекает громкий стук в дверь, заставивший меня вздрогнуть.

Резкий, нетерпеливый. Это точно не могут быть вернувшиеся спутники.

— Открывай, хозяйка! — кричит чужой грубый голос, которого я раньше никогда не слышала.

Сердце замирает, а я не двигаюсь, затаив дыхание.

— Твои зелёные уродцы в тюрьме! Утреннюю потасовку затеяли, теперь не вернуться. Освобождай комнату, пока мы её не вынесли вместе с тобой!

Глава 9

Мне бы хотелось, чтобы мне все это показалось. Но нет! Стук повторяется снова, еще более настойчивый.

Молчу и даже дышать стараюсь тише, в надежде, что незванный гость уберется восвояси, решив, что в комнате пусто.

– Открывай давай! Я знаю, что ты там! – Каждое слово звучит как удар молота по гулкому металлу.

Меня словно в колодец с ледяной водой опустили. Перед глазами темнеет, сердце подпрыгивает к горлу, разрастается там будто ком из снега, перекрывает доступ воздуха. Судорожно пытаюсь глотнуть кислорода, открыв рот, словно рыба выброшенная на берег.

В голове сразу вспыхивают картинки: подземелье, тусклый дрожащий свет от чадающих факелов, кандалы, темные решетки...

Нет. Нет. Нет! Я даже представлять такое не хочу! Если они и правда в тюрьме, то что же будет со мной? Неужели меня вернут снова в рабство?! Я только поверила, что сбежала от него. Свободной я меньше недели побыла.

Втягиваю носом воздух, набирая его полные легкие. Замираю на миг. Сжимаю резец так сильно, что дерево рукояти больно впивается в ладонь. Глупое оружие, слишком лёгкое, чтобы защититься по-настоящему, но единственное, что

у меня есть.

— Ну? Долго заставлять себя ждать будешь? — слышится другой голос, тянущий слова с гадкой ленцой. — Здесь девка одна, можно брать... — обращается он к своему напарнику.

Охх, мамочки, сколько их там, за дверью?

Сама не замечаю, как начинаю дрожать. Коленки трясутся от страха. В голове лишь паника мечется. С силой щипаю себя за предплечья, чтобы хоть немного в себя прийти. Сосредоточиться бы на самую малость.

К счастью, у меня это получается и сразу же слабый внутренний голос начинает шептать, что Шаэрон и Эррог не такие, не стали бы они рисковать, устраивать драку. Правда ведь?

Вынудили их скорей всего или вовсе может быть и не было никакой драки. А те, кто стоят сейчас за дверью хотят доверчивостью моей воспользоваться. Не буду дверь отпирать. Если все плохо совсем, то открытая мною дверь меня не спасет никак, нечего и пытаться.

А если не открою, то еще может какое-то время и побуду не чьей-то покорной рабыней.

Кидаюсь в окно, выглядываю аккуратно из-за занавески вниз. Второй этаж, если выпрыгну, то запросто ноги переломлю. А если и выберусь, то куда мне бежать?

Чужой город, чужие люди, чужие законы и правила, где женщина без мужчины — товар.

На глаза слезы наворачиваются. Закусываю губы до боли,

часто с силой моргаю, чтоб не расплакаться.

— Ломаем дверь, парни! — рычит первый голос. — Берём девку и делим!

И в тот же миг деревянная рама содрогается от удара. Доски стонут, петли скрипят. А у меня от этих звуков сначала обмирает сердце и сразу заходится в бешеной пляске.

Ещё удар. И ещё!

Кажется, стены дрожат вместе со мной. Сердце грохочет так громко, что кажется готово заглушить звуки ударов по двери. Оглушает меня саму. Отдается шумом в ушах.

— Ломаем! — подбадривают сами себя непрошенные гости.

Раздается удар такой силы, что дверь едва не вылетает из косяков. Удерживается каким-то чудом. А я мысленно горячо благодарю мастера, кто ее сделал на совесть. Но вряд ли она все равно долго продержится под таким напором.

В груди черным пятном растекается липкий тошнотворный страх. Парализует меня. Они вот-вот ворвутся. И всё, конец.

Дышать перестаю в ожидании грохота выбитой двери, и не сразу понимаю, что в коридоре давно установилась тишина. Шум и выкрики прекратились.

Застываю напряженно, не в силах поверить. Но ничего не слышно. Даже город словно замер за окнами, затих, не шумит больше. Только мое собственное дыхание, да бешеный стук сердца, готового выпрыгнуть из груди.

Я вслушиваюсь еще несколько мгновений, боюсь пошеве-

литься, чтоб не пропустить какой-нибудь даже самый незначительный звук за дверью.

Тишина давит на уши. Проходится словно ударами тока по окончаниям нервов. Из горла крик рвется от небывалого напряжения. Я что есть сил удерживаю его, закрываю рот ладонью.

Неужели это конец? Что они там задумали?

Вздрагиваю всем телом и охаю, чуть не оседая на пол, когда близко-близко слышу знакомый голос, низкий, рокошующий:

– Айка, это я! Открой!

Я моргаю, не веря, что слышу его. Что он вернулся

Подхожу к двери на негнущихся ногах, прислушиваюсь. Снаружи тихо. Только этот голос, такой уверенный и спокойный.

– Эррог? – переспрашиваю я шёпотом, так не в силах поверить в это чудо.

Он вернулся!

– Я. Открой! – коротко повторяет он свой приказ.

Дрожащими пальцами долго пытаюсь открыть замок. Пока Эррог терпеливо ждет в коридоре, когда же я наконец справлюсь.

А когда я все-же отпираю замок и приоткрываю дверь, то его массивная фигура закрывает мне весь коридор. Успеваю лишь краем глаза ухватить какую-то кучу, валяющуюся на полу, но Эррог, проследив за моим взглядом, словно невзна-

чай отпихивает кучу носком сапога прочь из моего поля зрения.

Орк скользит взглядом по мне, проверяя не пострадала ли я.

Входит в комнату, сразу закрывает дверь за собой.

– Шаэрон настоял, чтоб я вернулся. Непокойно ему было. Вот видимо и не зря. – Эррог хмурится и стискивает челюсти так сильно, что я начинаю опасаться как бы он снова в боевую форму не обернулся.

Но он сдерживается, лишь скрежещет зубами.

– Спасибо! – сиплю я, прижимая руки к груди.

Горло перехватывает, и я закашливаюсь.

Эррог лишь мимолетно кивает, словно ему не хочется слышать от меня благодарности, и коротко бросает мне тоном, не терпящим ни возражений, ни вопросов:

– Собирай вещи. Шаэрон вернётся и сразу уходим!

Глава 10

Мы покидаем постоянный двор сразу, как только Шаэрон возвращается, собрав всё, что заказал заранее, и оплатив то-вар.

Сумерки крадутся по улицам, огни в окнах загораются один за другим, но оставаться в таверне на ночь орки больше не планируют. Угрюмо собирают вещи и идут к выходу.

Мне кажется, что сердце стучит до сих пор слишком гром-ко после пережитого. И каждый шаг по узкому коридору та-верны отдаётся тяжёлым гулом в голове.

Глупо, но мне в любой мелькнувшей тени чудятся фигуры подкарауливающих нас людей.

Ничего не могу с собой поделатъ, пугаюсь любого шороха.

Шаэрон идет впереди, его широкие плечи чуть ли не весь коридор перегораживают. И я в очередной раз поражаюсь, какой же он огромный! Двигается размеренно, спокойно, но при этом он проверяет коридор, словно ждет за каждым по-воротом притаившуюся опасность.

— Не отставай, — бросает он мне через плечо.

А я и не отстаю! Нашел глупышку!

Оба орка, я знаю, сдерживают шаг, приноравливаясь к мо-им шагам, идут медленно, не торопят. Я же, напротив, стара-юсь шагать шире, чтоб поскорей выбраться отсюда, оказатъ-ся на улице.

Эррог идет следом за мной. Он окликает меня уже на пороге конюшни:

– Айка, держи плащ, оденешь, когда поедем! – Протягивает свёрнутую ткань.

Я моргаю, растерянно принимаю его. Но стараюсь улыбнуться, благодарная за его заботу.

Пальцы почти случайно касаются его ладони, и от этого обжигающего прикосновения меня пронзает странная горячая дрожь, будто ток пробегает по венам.

Он не смотрит на меня, просто кивает и идёт к коням, но это почему-то не облегчает, а наоборот, сбивает дыхание.

– Спасибо, – шепчу в ответ ему в спину.

Но он, похоже, не слышит меня или делает вид, что не слышит. Мне кажется, что сердится на меня за то, что им сейчас приходится уезжать. Срываться с места.

А я пытаюсь себе самой объяснить свою странную реакцию тем, что все-таки орки – очень горячие. Их тела так и пышут жаром, словно от огня от них горячо. Да и нервы мои звенят словно натянутые до предела струны. Вот и кажется, что током прошивает от любого касания!

Шаэрон впервые за вечер смотрит на меня, лишь оказавшись верхом на Ороне. Вот тогда только протягивает руку, приглашая меня.

Стоит мне подойти и вложить свою ладонь в его огромную протянутую руку, как он молниеносно наклоняется, подхватывает меня и усаживает впереди себя.

Я даже моргнуть не успеваю!

Как он уже прижимает горячей ладонью, подтягивая меня к себе вплотную.

И тут же пускает коня вскачь, подгоняет Орона, резко хлопая того по крупу. Впрочем, как и Эррог.

Они словно синхронно действуют, не сговариваясь, будто это им не нужно, как если бы они мысли друг друга читали или понимали без слов:

Быстрее, быстрее!

Оба торопятся поскорее уехать как можно дальше от таверны и выбраться из города.

И в этом я с ними согласна.

Воздух тянет осенней сыростью, горчит дымом от печных труб. Вечерний ветер гонит по улицам мусор и пыль.

Где-то вдалеке звенит шум кузницы, доносится лай собак и людские разговоры. Но для меня все звуки слышатся изда- лека и приглушенно, словно я под воду нырнула, а выныривать не тороплюсь, так и накрыта толщей воды.

Хоть ничего и не случилось со мной, все равно страшно у Эррога спрашивать, кто там был за дверью, и что с ними стало. Сразу не спросила, побоялась его свирепого вида, а теперь уже глупо спрашивать. Да и не уверена я, что хочу это знать.

Все-таки кто знает, на что орки способны.

Мы выезжаем из города через боковые ворота. Улицы

остаются за спиной, но оборачиваться никто из нас не собирается. Вряд ли мы когда-то сюда вернемся. Уж я точно не стану об этом жалеть.

А то, что мне было с утра еще любопытно рассматривать, сейчас хочется забыть поскорей. Вычеркнуть из памяти и город, и таверну, и незваных гостей, с которыми неизвестно, что стало.

Стоит выехать за городскую ограду, как меняется воздух. Он за стенами другой – свежий, прохладный, пахнет влажной землёй и подступающей осенью. Звуки города остаются позади, нас накрывает тишина.

Но тревога внутри меня не исчезает.

Я изредка бросаю взгляды на стремительно темнеющее небо. Его синеву словно чернилами залили, и оно погружается в темень от края горизонта к вершине небосвода.

Орки переглядываются коротко, почти незаметно, и обмениваются фразами на своём языке, который я не понимаю.

Я ненавижу это чувство: когда стоишь рядом, слышишь каждое слово, но не знаешь, о чём речь. В груди медленно поднимается холод, словно между нами невидимая стена вырастает.

Они что-то знают. Что-то, чего мне не говорят.

Я и том, что они переглядываются только догадываюсь. По напрягающимся мышцам Щаэрона, что я чувствую спиной. По тому, как его ладонь чуть сдвигается на моем животе, самую малость, но я чувствую каждый миллиметр этого

движения.

– Нам нужно уйти подальше, – тихо говорит Эррог на общем языке, когда дорога выходит на открытое место.

И орки скачут, словно не замечая, как вечернее небо тащит за собой низкие чернильные облака, ветер становится холоднее, и вдруг где-то далеко слышится первый раскат грома.

Глава 11

Первый раскат грома прокатился, кажется, прямо над нашими головами. Такой оглушительный, что я невольно вжимаюсь в мощную грудь орка за моей спиной ещё сильнее.

Он, словно ощутив это, крепче прижимает меня рукой, которая всё это время уже даже немного привычно лежит на моей талии.

Ветер усиливается, становится всё холоднее и первые холодные тяжёлые капли шлёпаются на землю, оставляя крупные тёмные пятна. А уже через мгновение небо превращается в сплошную стену воды.

Шаэрон слегка склоняется, словно пытаюсь создать для меня небольшое укрытие. Не помогает. Ливень слепит, бьёт по лицу.

Но орки не сбавляют хода. Взглядами выискивают укрытие в сплошной пелене дождя.

— Там, в той стороне дым, — вдруг кричит Эррог, преодолевая шум стихии.

Он резко сворачивает с дороги, и Шаэрон, не отпуская меня ни на миг, следует за ним.

Мы несёмся к едва заметному просвету между деревьями к одинокому покосившемуся дому на окраине земель. Из трубы валит жидкий мокрый дым, говорящий о том, что внутри кто-то есть.

Хозяином оказывается худой и обозлённый на весь мир старик, который открывает дверь лишь после настойчивого властного стука Эррога.

Его глаза раскрываются от удивления при виде двух орков, он становится настороженным, но серебро, блеснувшее в руке Шаэрона делает своё дело лучше любых разговоров.

— Пущу только в амбар, — бурчит он, хватая монеты. — И чтобы тихо! И к утру чтоб вас не было!

Мы наконец проскальзываем внутрь старого, местами прохудившегося амбара. Здесь пахнет пылью и немного сыростью, но в целом достаточно место чтобы и лошадей разместить. И даже небольшой очаг устроить.

Амбар стоит прямо на земле, лишь по бокам находится пол.

Эррог первым делом начинает заниматься лошадьми, снимая с них сёдла и попоны, протирая спину. А Шаэрон надвигается ко мне с видом грозной тучи, что во тьме этого помещения кажется ещё страшнее.

— Раздевайся, — властный рокочущий голос заставляет всё внутри сжаться в жалкий комочек страха.

Я замираю, чувствуя, как жар стыда пробивается сквозь ледяной озноб, но даже в этой темноте виду его твёрдый и ясный взгляд.

— Мокрая одежда убьёт тебя быстрее любого клинка, — уже мягче добавляет орк и стягивает с себя мокрую рубаху.

Его обнажённый торс в полумраке кажется высеченным

из камня, а мускулы играют при каждом движении. Я невольно ловлю себя на мысли, что уже некоторое время просто стою, не сводя взгляда с его плотного пресса, который чувствую своей спиной во время дороги.

Я отступаю в самый дальний тёмный угол и быстро одевеневшими от холода пальцами снимаю с себя промокшее до нитки платье. На мои плечи тут же ложится сухая рубашка, от которой исходит приятный, но незнакомый аромат. Не Шаэроном.

— Это запасная рубашка Эррога, — тут же поясняет орк, пока я плотнее кутаюсь в неё.

Она невероятно велика, пахнет дымом, травами и ещё чем-то терпким. Пытаюсь как можно более незаметно стянуть и нижнее бельё. А затем из сумок достают моё тяжёлое одеяло. Я закутываюсь в него до самого подбородка и усаживаюсь на край деревянного пола, используя его как низкую скамью.

Орки тем временем разводят костёр в старом жестяном тазу на песчаной полосе в центре абмара. Благодаря щелям дым уходит из помещения, но здесь становится заметно теплее.

Их мощные торсы освещены пламенем, а зелёная кожа лоснится. Во время движений их шрамы и татуировки кажутся мне живыми.

Никто не нарушает молчание. Лишь снаружи всё также воет ветер и барабанит дождь. Лошади мирно жуют сено, из-

давая по-странному успокаивающие звуки.

Шаэрон развешивает одежду на высоких деревянных балках, и от вида его спины перехватывает дыхание.

Настоящее воплощение мощи, способной разрушать или защищать.

Эррог пододвигает котелок с водой и брошенными в него травами. Аромат горьковатый, согревающий.

Он зачерпывает целую кружку и вручает её мне.

— Пей. Медленно.

Я беру кружку, слегка обжигая пальцы и делаю маленький глоток. Тепло разливается по желудку, прогоняя внутреннюю дрожь.

Так и сидим у маленького, но жаркого костра. Шаэрон вдруг протягивает мне кусок вяленого мяса и чуть чёрствую лепёшку:

— Ешь.

Я протягиваю руку, и наши пальцы на миг соприкасаются. Его кожа тёплая и шершавая, а мужчина задерживает взгляд на мне.

В его тёмных глазах, отражающих пламя творится что-то мне неизвестное, и, не выдержав это, я опускаю глаза, тихо благодарю.

Эррог сидит как обычно молча напротив, доедает кусок вяленого мяса. Кожей чувствую его взгляд, скользящий по мне. Изучающий.

В голове всплывают слова, брошенные ими той звёздной

ночью.

Что они имели в виду, обсуждая она ли я? Что это для них значит? И почему Шаэру не хотелось бы, чтобы я кем-то оказалась?

Они кого-то ищут? Или, может быть, как-то узнали о моей тайне?

Быть такого не может!

Я встряхиваю головой, словно пытаюсь прогнать сон и шумно втягиваю воздух.

Мужчины это понимают по-своему.

— Ложись спать, Айка, мы подежурим, — повелительно произносит Шаэрон, указывая на сухой угол в амбаре.

Я решаю не спорить, да и после отвара постепенно начинает клонить в сон.

Глава 12

Просыпаюсь от яркой вспышки света, белой как раскаленный клинок.

В ту же секунду небосвод раскалываются оглушительным треском. Весь амбар дрожит, будто его ударили гигантским молотом.

Я рывком сажусь в своей импровизированной постели. Орки давно уже на ногах.

Похоже, и не ложились вовсе.

Вторая вспышка озаряет воздух почти сразу же. И вслед за ней слышится долгий ревущий гул. Совсем рядом что-то ломается с чудовищным треском. Это совсем не похоже на раскаты грома.

Звук от удара такой сильный, что у меня все внутри ухает вниз. Я в испуге сжимаюсь и закрываю голову руками, если сдерживаюсь, чтоб не завизжать от страха.

Амбар будто подпрыгивает, мусор и пыль осыпается со старых балок.

Эррог одним рывком поднимается на ноги, быстрым движением подбрасывает хвороста в почти потухший костер, и шагает к дверям амбара.

Шаэрон тоже поднимается и направляется туда же. Оборачивается на меня, бросает мне тихо, словно не хочет, что-

бы я окончательно проснулась:

– Спи, Айка, мы только проверим, что там стряслось.

Отдергивает засов, и внутрь сразу врывается порыв сырого холодного воздуха вместе с несколькими каплями дождя.

Я поворачиваю голову к открытой двери, но мне с моего места видно только маленький кусок двора, остальное закрыто чем-то тёмным и огромным.

Натягиваю на себя одеяло, кутаюсь в него, как в плащ, и недолго думая, топаю за мужчинами, нырнувшими в пелену дождя, но останавливаюсь на пороге.

Теперь мне становится понятно, отчего я ничего не видела. Прямо перед дверью, упираясь ветвями в землю и стену, лежит огромное поваленное дерево, вспоровшее двор, словно консервный нож.

Всюду по двору разбросаны обломки черной коры и целое море опавшей листвы и обломанных при падении веток.

Ствол полностью перегородил двор, забив проход к дому и к дороге. Даже сквозь шум дождя я слышу, как по ту сторону от дерева на крыльце дома мечется старик:

– Да чтоб меня! Это что за напасть такая?! Тут же не пройти ни за что! Ни мне, ни скотине... Пропадем мы, как есть пропадем. Как с такой бедой справиться?

– Справимся! – спокойно перебивает его стоны Шаэрон, окидывает поваленный ствол взглядом. Прикидывает, как его сподручней сдвинуть, затем командует старику: – Иди в дом, мы сами управимся.

Судя по гулкому хлопку двери, старик послушно исчезает внутрь дома.

– Надо упор, — произносит Эррог, — тогда порубить на части проще будет.

– Подхватим здесь, на счёт три, — отзывается Шаэрон. — Потом клин воткнешь тут.

Они становятся напротив друг друга, упирают ноги глубже в мокрую землю, сцепляют ладони на нижней части ствола и толкают его вверх, пытаясь приподнять.

Медленно, но неуклонно.

Я вижу, как напрягаются их плечи и спины, как на висках вздуваются жилы. У меня в груди всё замирает, это выглядит как нечеловеческое усилие. Не может быть столько силы в двух мужчинах — справиться с такой машиной, поваленной ветром и молниями!

Но стоит мне только подумать об этом, как дерево на миг вздрагивает, словно в растерянности, а потом... покорно поддаётся.

Дождь слабеет, уже не хлещет струями, будто тоже от изумления прекращается, восхитившись тем, что орки вызов стихии бросили и победили!

– Клин! — бросает коротко Шаэрон.

Эррог уже готов.

Я даже не успела заметить, как у него в руках оказывается огромный камень. Он одним резким движением забивает его под приподнятый ствол. Дерево замирает на новом месте,

послушное их воле.

Орки выпрямляются. В их руках сразу топоры оказываются. Так ловко и быстро, словно по волшебству. Ни одной минуты промедления!

Первый удар делает Шаэрон. Топор вонзается со всей силы с глухим звуком. Эррог тут же делает замах и второй удар приходится в следующий миг на то же место, куда только что ударил Шаэрон. Словно они делали так тысячу раз! Удары слаженные, быстрые. Мощные.

И минуты не проходит, как дерево оказывается перерублено пополам. А они уже наносят удары в другом месте.

Я невольно люблюсь, как перекачиваются мышцы на их плечах и обнаженных торсах, как играют жилы на руках. Редкие капли дождя скатываются по их телам, но они словно и не замечают этого вовсе.

Щепки летят во все стороны по двору. Ствол стонет под ударами и поддается, поддается, разламывается на ровные куски, не выдержав огромной силы орков и остроты их топоров.

Меня завораживает их работа, я не могу отвести взгляд. Мне кажется, что и часа не проходит, как огромного дерева, что перегораживало стволом весь двор, больше нет.

Оно разрублено на ровные куски, ветки обрублены и сложены рядом.

Шаэрон, словно играючи, легко подхватывает кусок брев-

на и ставит его так, чтоб разрубить на дрова. Он чуть ли не жонглирует им, так легки его движения.

Уверена, я б и на сантиметр это бревно не смогла сдвинуть, как бы ни упиралась. А он подкидывает с легкостью, и тут же замахивается топором и рубит чурбан до основания, потом еще и еще, пока перед ним не оказывается куча дров.

Лица обоих орков сосредоточены, а в каждом движении – полная уверенность в себе и в друг друга.

Скоро весь двор свободен, а в углу под навесом у амбара сложена высоченная поленница из дров. Я наконец решаюсь выйти из амбара, чтобы позвать приютившего нас хозяина полюбоваться на работу орков. Но едва заносу руку, чтобы постучаться, как дверь передо мной распахивается, и в тот же миг из дома на крыльцо показывается старик.

Он словно глазам своим поверить не может, несколько раз обводит взглядом двор. Трясет головой в изумлении. И потом недоверчиво чешет затылок, задумчиво, словно про себя произносит:

– Ну надо же! Орки! Кто б мог подумать, что такие заботливые. Все ж знают, что орки только земли грабят, да девок воруют!

Я замираю на месте от его слов, только успеваю заметить, как чернеет взгляд у Эррога. Он стискивает челюсти и пальцы на древке топора.

– Мы расплатились за ночлег, – рычит он, изо всех сил сдерживая злость.

– Да-да, конечно! – Спыхватывается старик. Виновато машет руками: – Я не со зла, простите! Язык старый, дурной! Спасибо вам, ребятишки! Вот прямо как есть по-людски спасибо! А давайте я вас чаем угощу, да накормлю? Пойдемте в дом!

Мы тут с Таей спорим, не можем прийти к одному мнению: какой лучше? Кто больше на нашего Эррога похож?

Глава 13

Старик, бормоча что-то под нос и всё ещё качая головой от изумления, почтительно отступает, пропуская нас в дом.

Мы входим в тесноту низкой избы, пропахшей дымом, травами и чем-то кислым. Всё здесь говорит об одинокой, бедной старости, но после амбара и ливня кажется невероятным уютным гнёздышком.

Орки протискиваются внутрь, согнувшись, чтобы не задеть головой закопчённые балки потолка. Они кажутся ещё более огромными, неземными в этой крошечной, приземлённой обстановке. Я жмусь позади, всё ещё кутаясь в одеяло поверх чужой рубахи.

— Садитесь, садитесь, гости дорогие! — суетится хозяин, смахивая со стола крошки и расставляя глиняные кружки. — Сейчас чайку заварю, самого лучшего! С мёдом! И лепёшки остались, ещё тёплые.

Он хлопочет у печи, а я наблюдаю, как орки усаживаются на грубую лавку. Она тревожно скрипит под их весом, но выдерживает. Они сидят молча, их взгляды скользят по хижине, оценивающие, привыкшие к опасности, но сейчас спокойные. Работа во дворе сняла остатки напряжения после вчерашнего вынужденного побега из города и тревоги.

Вскоре на столе появляется дымящийся чайник, грубые лепёшки и маленькая глиняная плошка с мёдом. Запах тра-

вяного чая смешивается с дымом и становится таким уютным, что у меня наворачиваются на глаза слезы. Просто чай. Просто лепёшка. А чувствуешь себя как на пиру.

— Угощайтесь, не стесняйтесь! — старик подливает нам чаю. Его руки трясутся то ли от возраста, то ли от пережитого волнения. — Вы мне жизнь спасли, честно. Одному бы мне с той махиной не справиться до весны. А так и дров на зиму запас есть, и двор чист.

Мы пьём чай. Он обжигающе горячий, горьковатый, но мёд делает его сладким и каким-то целительным. Я с наслаждением чувствую, как тепло разливается по всему телу, прогоняя последние остатки холода.

— Вам в дорогу надо, — старик вдруг оживляется, его глаза начинают блестеть. — Погода утихомирилась, но осень она коварная. Сейчас, сейчас...

Он копается в сундуке у печи, что-то шуршит, бормочет, и наконец возвращается с небольшим свёртком в руках.

— Вот, возьмите. Сало засоленное. Силы придаст в пути. И лепёшек этих, — он суёт в тот же свёрток ещё пару лепёшек. — Небогато, но от души.

Эррог кивает, коротко и уважительно.

— Благодарим.

— И ещё, — старик замирает, и на его лице появляется странное выражение из смеси сомнения и любопытства. — Вещица у меня одна есть. Необычная. Лежит без дела годы, а выкинуть рука никак не поднимается.

Он снова ныряет в сундук и на этот раз возвращается с чем-то, завёрнутым в мягкую, потертую кожу. Осторожно разворачивает.

На его ладони лежит камень. Непростой камень. Он размером с куриное яйцо, идеально гладкий, словно отполированный водой за тысячи лет. Цвета тёмного мёда, а в самой глубине, если приглядеться, будто мерцают крошечные золотистые искорки.

— Красивая безделушка, — произносит Шаэрон.

— Да не про красоту речь! — оживляется старик. — Говорят, с желаниями она связана. Или с удачей. Или ещё с чем. Я уж и не помню. Отец моего деда её нашёл, наверное. Никто толком не знает, как работать с ней. Пробовали и на солнце её класть, и в огонь, и на ночь под подушку. То ли не работает, то ли мы просто не умеем. Продать пытался. Кто два медяка даст, кто пять. А кто и вовсе плечами пожимает, говорит, обычный булыжник. Но мне чужется, что нет.

Он протягивает камень Шаэрону.

— Вы люди... существа, — оговаривается он. — Дорожные. И видится мне, что не простые. Может, вам она и пригодится. Может, доберётесь до места, где умные люди подскажут, что за штука такая. А мне уж от неё толку нет. Пусть с вами идёт, раз уж так сошлось.

Шаэрон медленно, почти с благоговением, берет камень. Он перекачивает его в своей огромной ладони. Искринки в глубине камня на мгновение вспыхивают чуть ярче, будто

отзываясь на его прикосновение. Мне кажется, это лишь игра света, но сердце замирает.

— Спасибо, — говорит Шаэрон, и его голос звучит особенно глубоко. — Мы сохраним его.

Он не кладёт камень в сумку, а заворачивает обратно в кожу и убирает за пазуху, ближе к телу.

Мы допиваем чай. Старик продолжает бормотать что-то о дорогах и о том, чтобы мы берегли себя. Орки молча кивают. Вскоре мы собираемся. Вещи высохли уже, лошади отдохнули и накормлены.

Прощаясь, старик стоит на пороге своего дома, теперь с чистым двором и запасом дров на зиму, и машет нам вслед.

Мы выезжаем на дорогу, уже подсушенную появившимся из-за туч солнцем. Я оглядываюсь на него, на этот одинокий домик, и чувствую странную грусть. Такой чужой и, кажется, злой старик, вдруг оказывается в один момент каким-то родным.

А потом мои мысли возвращаются к камню. К этому маленькому, тёплому теперь сокровищу, что лежит за пазухой у Шаэрона. К его мерцающим искоркам.

Что, если это правда не просто камень? Что, если он и правда может что-то? Исполнять желания? Приносить удачу?

Глава 14

Правда, думаю я об этом недолго. В голове возникают недавние воспоминания о том, как орки только что седлали коней.

Движения ровные, отточенные, по которым видно, что они торопятся, хотят уйти со двора как можно скорей. Буквально пара минут проходит, как все уже было собрано и мы готовы тронуться в путь.

Я без раздумий шагаю, привычно направляясь к Орону, готовая к тому, что Шаэрон вот-вот протянет мне руку, и в следующий миг я окажусь верхом, прижатая, как всегда, мужской горячей ладонью к его мощной груди. Но застываю на месте, не дойдя несколько шагов, когда в спину мне летит низкий голос Эррога:

– Давай ко мне, Айка! Надо дать Орону отдохнуть. Все-таки уже три дня двоих везет. А ну как дорогу размыло грозой? Ещё тяжелей ему будет. Да и быстрее мой Даран! – произносит он последнюю фразу, как самый главный аргумент в давнем споре.

– И что с того? – Спокойно возражает Шаэрон.

Смотрит поверх моей головы на спорящего с ним Эррога.

– Мы теряем темп, – поясняет тот охотно, словно только этого и ждал. – А мы должны торопиться. Да и ехала Айка все это время с тобой. Моя очередь!

Я слышу в его голосе какие-то новые ноты, которые не могу до конца разобрать. Но становиться причиной ссоры мне не хочется. Мнусь между двумя конями и сидящими на них орками, не в силах сделать шаг ни к одному из них, переступаю на месте.

Мну пальцами платье, потупив голову.

К счастью, это недолго продолжается.

Шаэрон хоть и нехотя, но соглашается:

– Хорошо! Иди к нему, Айка. – он ободряюще мне улыбается, – Это ненадолго, все равно нам третий конь нужен. Так что сейчас и поедем покупать.

– И то верно! – Заметно повеселев, подхватывает идею Эррог. Лучше чем в Черном ручье до границы Северных земель, а то и дальше возможно – не будет коней, – убежденно заявляет он.

Даже я слышала о конях Чернореченских, что во всем Королевстве и на Диких землях лучше их не найти.

Разворачиваюсь и иду в обратную от Шаэрона сторону, к Дарану.

Эррог быстро свешивается вниз с коня, ловко подхватывает меня подмышки и усаживает перед собой. Я даже моргнуть не успеваю, а уже верхом на коне оказываюсь...

Вот и сейчас я прижата к его мощной груди. Кажется, слишком крепко, и гораздо сильнее, чем Шаэрон это делал.

Но я убеждаю себя, что мне все это лишь кажется. С чего бы Эррогу так стискивать меня?

Кони скачут резко, но мне теперь чудится, что эта скорость слишком мала для орков.

Не будь меня с ними, они бы скакали гораздо, гораздо быстрее. С каждым шагом я ощущаю, что долг мой, и без того неподъемный, растет все больше.

Хочу сказать, что мне не обязательно сидеть с ними верхом. Хочу предложить, что я могу идти пешком хоть весь день. Или вообще могут оставить меня у дороги. Но, просто представив их лица, когда я произнесу это, понимаю – бесполезно, не согласятся они. Только заругают.

Так что помалкиваю.

Все равно мне не понять, зачем им возиться со мной? Только оттого, что я случайно скатилась буквально в руки Шаэрону, когда рассчитывала отсидеться в камышах, убегая от стражников?

В голове ни одной идеи на этот счет нет. Но я рада, что они не отказываются от меня, и мы держим путь вместе. Без них я бы точно пропала уже!

Тем временем дорога, по которой мы едем, постепенно становится ровней и приятней, высыхая под лучами солнца. Копыта коней больше не вязнут в грязи. И они оба – и Орон, и Даран – начинают скакать быстрее.

Эррог держит меня так крепко, словно опасается, что я буду норовить упасть с коня при малейшей возможности. Мне даже обидно становится. Уж что-что, а ездить верхом я умею и самостоятельно. Правда, с момента попадания в этот

мир ни разу верхом не сидела, пока орков не встретила.

Сейчас я притиснута к мощной груди орка, и боюсь даже пошевелиться. Эррог мне просто ребра ломает, если сожмет меня капельку посильней. Ощущаю спиной гулкий ровный ритм его сердца. И это так непривычно и ... волнительно.

Кошусь на скачущего рядом Шаэрона, пока он сосредоточенно вглядывается вдаль. Он сразу словно чувствует мой взгляд, быстро быстро поворачивает голову и ловит его. И снова отворачивается, стискивает челюсти до играющих желваков и хмурит брови.

Сердится. Понять бы еще за что.

Вскорости мы подъезжаем к дорожной развилке. Ровная широкая дорога, по которой мы ехали полдня, идет прямо. А резко влево от нее берет свое начало дорога узкая, с заметной колеей от колес. Скорей всего пробитой телегами, что ехали на ярмарку.

– Нам сюда! – командует Шаэрон, лишь на минуту оставившись на развилке, словно ему была нужна эта пауза, чтобы принять решение. – День потеряем конечно, зато потом быстрее поскачем. Третий конь нам так и так нужен.

По движению грудных мышц сидящего за моей спиной Эррога, могу догадаться, что он лишь молча кивает, соглашаясь.

И они направляют коней в сторону от главной дороги. Пришпоривают их, торопят.

Я ведь вижу, что они спешат, словно к какому-то сроку должны успеть доехать. И всё же они замедляют ход ради меня, теряют время, делают лишний крюк.

А мне сейчас хочется исчезнуть. Так неудобно вдруг себя чувствую. Они столько для меня уже сделали и продолжают делать. Смогу ли я им когда-то отплатить за все, рассчитаться с долгами?

С каждым ударом копыт я ощущаю, как мой долг перед ними растёт, становится всё тяжелее, давит внутри холодным камнем.

Глава 15

Чёрный ручей оказывается большим шумным поселением на перекрёстке торговых путей. Воздух здесь гудит от голосов, ржания лошадей и скрипа телег.

А какой запах! После полей запахи этого места ударяют в нос своим разнообразием. Здесь и специи, и жареное мясо, и свежая выделанная кожа, и разнообразная выпечка.

Столько людей вокруг, столько ароматов, что, кажется, голова идёт кругом от этого изобилия.

Спешившись с лошадей мы направляемся в сторону своеобразного конного двора. Он представляет собой огромный загрязнённый плац, окружённый множеством загонов. Торговцы голосят, расхваливая свой товар, лошади фыркают, бьют копытами.

Шаэрон и Эррог сразу же включаются в процесс. Их глаза за считанные секунды оценивают десятки животных. Их взгляды становятся жёстче, а движения опаснее. Эти двое мужчин выглядят здесь не как гости, а как опасные хищники, вошедшие на чужую территорию. И все расступаются перед ними, пропуская их и стараясь не смотреть в глаза. А вот я время от времени ловлю на себе их любопытные и осуждающие взгляды. Местами читая в них откровенное презрение.

И не понимаю, откуда такая реакция. В чем причина?

Как будто мало мне переживаний насчет оброненных мо-

ими спасителями фраз, что третий конь им так и так нужен. Я уже голову сломала, рассуждая, что же они имели в виду. И зачем им еще коня брать, если мы уже почти треть пути проехали до границы, уже недолго осталось. А я ведь помню прекрасно, что они говорили, что каждый своей дорогой пойдет после нее.

Стараюсь отогнать от себя мысли лишние. Зачем мне заглядывать в будущее, надо жить здесь и сейчас.

А сейчас мы ищем мне коня!

Орки говорят мало, обмениваясь короткими фразами. Ощущаю себя бесполезной обузой. Долг висит тяжёлым камнем, сумма пугает до тошнотворного ощущения внутри. Я должна как-то им помогать.

Я наблюдаю за тем, как Эррог бегло ощупывает мышцы на ногах, как Шаэрон заглядывает в зубы, оценивая возраст и ищу закономерность, пытаюсь понять их логику. Пусть верхом я и умею ездить, но в лошадях всё равно не разбираюсь.

Мой взгляд падает на торговца в дальнем углу. Он не так криклив, как другие, а его лошади выглядят не такими выхоленными, но зато крепкими и с умными глазами.

Одна вороная кобыла с проседью на морде спокойно наблюдает за суетой, словно она выше её. А ещё она выглядит выносливой.

Я аккуратно касаюсь руки Шаэрона, привлекая внимание, и жестом показываю в ту сторону.

— Там, — тихо говорю ему я. — Смотрите, торговец не

кричит. Возможно, цена будет честнее.

Шаэрон смотрит туда, потом переводит взгляд на меня и кивает Эррогу, после чего мы двигаемся к тому загону.

Орки сразу принимаются осматривать кобылу, а я чувствую, что моя догадка может быть верной.

А я же ищу подвох. Возможно, у неё есть свежие шрамы или спутанная шерсть, а может признаки болезни. Всё, чему меня научил год жизни среди подлых надсмотрщиков мануфактуры, — так это умение видеть изъяны, даже тщательно замаскированные.

— Копыта целы, — тихо бросаю я, проходя мимо Эррога. — И хвост не выдран, значит не злая и не бьётся.

Торговец, видя интерес, начинает обстоятельно расхваливать товар, обращаясь исключительно к мужчинам. Я отхожу в сторону, давая им пространство, но продолжая наблюдать.

— Она кажется спокойной, — произношу я, обращаясь к торговцу, желая добавить аргумент в пользу покупки. — С ней будет меньше хлопот в дороге.

После моих слов наступает лёгкая, но ощутимая пауза. Торговец окидывает меня удивлённо-презрительным взглядом, словно видит, как заговорила лошадь, и тут же переводит взгляд на Шаэрона, ожидая его реакции.

Несколько соседних торговцев усмеваются, глядя на меня. Эррог меняется в лице и оборачивается на меня, произносит очень тихо:

— Во время торгов молчи, — шепчет он так, чтобы боль-

ше никто не услышал.

Я теряюсь, кровь ударяет в лицо. Что опять я сделала не так?

Я знаю, как должна вести себя рабыня. Молчать и слушать. Но разве сейчас я рабыня? Или женщина в глазах мужчин так ею и остаётся, даже если она свободна?

В груди неприятно закололо. Моё мнение ничего не стоит, просто потому что оно исходит от меня. В моём мире не было подобных правил, а здесь, похоже, чем женщина тише, тем от неё меньше проблем, и это всех устраивает.

Шаэрон, не глядя на меня, но при этом словно огромной стеной защищая собой от чужих взглядов, заканчивает торг. Эррог протягивает торговцу деньги, немного подбадривающе похлопывая меня по спине.

И от этих небольших движений я понимаю, что на самом деле они не сторонятся меня, а просто следуют местным правилам. От этого в душе появляется вопрос. Может быть там, откуда они родом с девушками обращаются иначе? И просто мне не повезло с местом попадания в этом мире?

Теперь, когда у меня есть кобыла, я решаю сама ухаживать за ней. Я не могу нарушать дурацких правил этого мира, но всё ещё могу наблюдать и учиться. Могу что-то делать.

Несмотря на недоумевающие взгляды окружающих, я сама затягиваю подпругу под зорким взглядом Шаэрона, сама проверяю стремяна и сама взбираюсь на кобылу, не ожидая и не прося помощи.

Если я хочу следовать с ними, то должна доставлять как можно меньше проблем – это я отлично понимаю. Они и так достаточно потеряли времени из-за меня.

Орки наблюдают за мной молча с едва заметным одобрением в глазах. Теперь, когда кобыла принадлежит им, больше нет необходимости следовать правилам.

Как только мы выезжаем на дорогу, я набираюсь смелости и уверенно произношу:

— Я буду ухаживать за ней сама. И нести свою долю поклажи. Вы можете на меня рассчитывать.

Губ Шаэрона в этот миг касается подобие улыбки.

— Как скажешь, Айка! – В его глазах словно солнце мелькает, согревает меня лучами.

Глава 16

Солнце начинает клониться к горизонту, окрашивая небо в огненные цвета, когда Шаэрон указывает рукой на излучину неширокой, но быстрой реки.

— Здесь! Вода есть, трава для коней. Ночуем.

Мы спешиваемся. Усталость даёт о себе знать приятной тяжестью в мышцах, но я не подаю вида. Пока орки занимаются конями, я, подражая им, расседываю свою кобылу и принимаюсь тщательно обтирать её пучком сухой травы. Она фыркает, бодает меня мягкой мордой в плечо, и в её тёмных глазах я читаю признательность.

— Спасибо тебе, — шепчу я ей, проводя ладонью по мощной шее. — Ты была сегодня отважной. Тебе нужно имя. Сильное, как дух у тебя внутри.

Я закрываю глаза, прислушиваясь к её ровному дыханию, к биению большого сердца под моей ладонью.

— Ты такая же сильная, словно буря, но спокойная и наблюдательная.

Возможно, было бы логично назвать её Звезда, по белому пятну на морде, но мне не нравится этот вариант отчего-то.

— Выбираешь имя? — вздрагиваю от голоса Шаэрона, внезапно подошедшего ко мне.

Киваю, поглаживая кобылу, расчёсывая её гриву.

— Какое бы значение ты хотела вложить в её имя? Может

я помогу?

— Я думаю, что ей подошло бы какое-нибудь сильное имя, но при этом означающее спокойствие.

Он на мгновение сводит брови, хмурясь и окидывая взглядом кобылу.

— Она и правда миролюбивая, — кивает мужчина своим мыслям. — Как тебе имя Инхе? Оно значит миролюбие и спокойствие. А сила у неё и так есть.

— Мне нравится, — задумчиво тяну я и тихо произношу новое имя кобылы, словно пробуя его: — Инхе. Как тебе?

Кобыла, словно поняв, тихо ржет и тыкается мордой мне в ладонь. В груди сердце ёкает от разливающегося тепла и радости. В этом мире у меня наконец появилось что-то моё. Мой соратник.

Но как бы мне не хочется быть с ней подольше, я понимаю, что если не очищу свою кожу от грязи, пыли, и пота, пока вода ещё стала не совсем ледяной, то вряд ли скоро удастся это сделать.

Бросаю взгляд на реку, где вода искрится в лучах заката, выглядит чистой и прохладной.

— Я схожу к воде, — робко говорю я, обращаясь к пространству между двумя орками. — Омыться.

Эррог, чистивший копыто своего коня, лишь кивает, не глядя. Шаэрон поднимает на меня взгляд.

— Не заходи далеко. Течение быстрое, да и вода уже холодная.

Я киваю и, захватив с собой маленькое грубое полотенце из своей сумки, торопливо спускаюсь к воде. Оглянувшись, понимаю, что орки специально отвернулись, как бы показывая, что подглядывать не будут.

Этот жест простой заботы заставляет моё сердце сжаться.

Вода оказывается терпимо холодной. Самое то, чтоб смыть усталость и тяжёлые мысли вместе с грязью. Я стараюсь делать всё быстро, но несколько мгновений просто стою по пояс в воде, не в силах оторвать взгляд от того, как зарево заката отражается в быстром течении. Близкими играет в воде, словно поджигает ее яркими всполохами.

И в этот миг я чувствую себя частью чего-то огромного и дикого. И, кажется, уже не такой чужой в этом мире. Дух захватывает от красоты.

Вернувшись к костру, я застаю картину почти идиллическую. Эррог прокручивает на вертеле тушку какого-то небольшого зверька, а Шаэрон разливает по кружкам что-то дымящееся и сразу протягивает одну мне.

— Чтобы не заболела, — поясняет он сразу. — Ужин будет чуть позже.

Я киваю, согреваясь после холодной воды и по телу разливается тепло не только от первых глотков обжигающего напитка, но и от заботы.

Ночью я засыпаю почти сразу, укутанная в своё одеяло, под мерный перекал ночных звуков и треск костра. Мне снится что-то светлое и безмятежное.

Но неожиданно сон обрывается. Меня словно из его глубин резко на поверхность выдергивает.

Я застываю в полудрёме, но глаза не открываю сразу. Сквозь сон ко мне пробиваются голоса. Тихие, приглушённые, но отчетливые, без попытки скрыться.

— ...всё больше признаков, — это звучит низкий, озадаченный голос Эррога, — она это. Придется нам...

Моё сердце замирает в ожидании, что же он скажет, я даже забываю, как дышать. Но вместо голоса Эррога, я слышу:

— Видел и сам, — отвечает со вздохом Шаэрон, и в его голосе звенит тяжёлая, каменная уверенность, — сегодня вода светилась вокруг неё.

Светилась?! Мне хочется вскочить со своего места и закричать. Не может быть, чтобы они знаки какие-то в этом увидели! Это просто закат, хочу возразить я, но заставляю себя замереть и слушать дальше.

— Так если это всё-таки она... — голос Эррога срывается на громкий шёпот, в котором смешан страх и нечто похожее на надежду. — То что будем делать? — он замолкает, словно боится, что их могут услышать.

Дальше следует долгая пауза. Я боюсь пошевелиться и даже дышать, чтобы не выдать того, что я всё слышу.

— Не нам решать, Эррог, — наконец произносит Шаэрон, разрывая тишину. — Наш долг сопровождать. А там видно будет. Спи, я подежурю первым. Завтра длинный путь.

Больше они не говорят ни слова.

Но я не могу уснуть. Я лежу с закрытыми глазами, а в ушах у меня стоит оглушительный звон.

Глава 17

Сон больше не идет. Лежу, не открывая глаз, и даже стараюсь не шевелиться под тяжелым одеялом, слушаю спокойное дыхание Шаэрона, а потом сменившего его перед рассветом Эррога.

Мне так холодно после подслушанного разговора, и никак не удастся согреться.

Темнота ночи кажется густой и липкой, она проникает мне под кожу, оживляя недавние воспоминания, от которых еще больше пробирает дрожь.

Я словно назад переносусь, только не понять – на несколько дней или на несколько месяцев. Все дни моего пребывания в этом мире были похожи друг на друга, пока я не свалилась в реку, убегая от стражников и попала в руки к оркам.

А до этого все, что помню – это невольничий рынок, где меня купил Нэмрад, потом долгая дорога до мануфактуры...

Потом все дни сливаются в один ужасный – работа на мануфактуре и наказания за малейшую провинность, а то и просто так, за то, что не так глянула.

И еще запах. Сильный, едкий, въевшийся навсегда в мою память. Дубильные чаны, пустые глаза уставших рабынь, злые окрики надсмотрщиков.

Перед глазами встает образ Ландарии. Бледной, с вечно

красными от слёз глазами. Нэмрад часто уводил её к себе, и потом она возвращалась молча, терла белую кожу, словно хотела отмыться, и закутывалась в огромный платок, будто могла спрятаться в нём от всего мира.

Но прятаться стоило в основном только от Нэмрада, который смотрел на нас, девушек, как на товар. «Рабыня принадлежит хозяину полностью» — любил он повторять, и все знали, что это значит. Его тяжёлые лапы, потные, волосатые, постоянно искали кого потрогать, схватить. Я избегала его взгляда, старалась работать быстрее, скрываться в тени. Но в последние недели он стал замечать и меня. Его глаза жадно скользили по мне, он отпускал грязные намёки, а однажды схватил за руку и потянул к себе. Тогда я вырвалась. Потом убежала совсем...

Сердце внутри колотится так, будто я снова там оказалась. Я с силой зажимаюсь несколько раз, пытаюсь прогнать назойливые воспоминания, от которых в груди ком разрастается, а в глазах щиплют слёзы.

Горло сжимает спазмом в попытке вдохнуть, и я кусаю губы до крови, лишь бы не расплакаться в ночи.

Мне надо лишь дождаться утра, утром все станет по-прежнему – убеждаю я себя. Но это оказывается ложной надеждой. Утро не приносит облегчения. Орки с самого утра хмурые, перекидываются лишь короткими, отрывистыми фразами, как приказы отдают.

Седлаем коней не позавтракав.

– Позже поедим, в городе. – бросает мне Эррог, когда мы все уже сидим верхом. – Нам надо поспеть на рынок в Златоречье к началу торговли.

Слова царапают меня изнутри, словно тонкой иглой колят в самое сердце. Но я лишь пожимаю плечами, соглашаясь: позже, так позже.

Орков словно подменили этой ночью. Никто не смотрит на меня, не спрашивает, как я спала. Хмурые и сосредоточенные, они гонят коней по дороге. Я едва успеваю за ними, хоть и стараюсь изо всех сил.

Постепенно я привыкаю к скорости, с которой мчатся кони, и начинаю осматриваться по сторонами.

Только лучше бы я этого не делала! Потому что я понимаю, что знаю эту дорогу. Я уже ехала по ней однажды. Она ведет в тот самый город, где невольничий рынок, на котором меня и купил Нэмрад.

Мир рушится. Я перестаю дышать, смотрю на их широкие спины, но уже ничего не вижу.

Вот оно, объяснение всему. Одежда, что они купили для меня, и то, что позволили вчера искупаться и красиво заплести волосы с утра. Всё было лишь подготовкой. Чтобы выставить меня на продажу подороже!

Внутри всё сжимается в ледяной ком. Осознание бьёт под дых. Я – лишь товар, который можно выгодно сбыть.

Дорога больше не радует. Внутри все обмирает и превращается в ледяной ком с царапучими краями. Мне кажется,

что мое сердце плачет, позволяя моим глазам оставаться сухими. Как я могла поверить, что мне просто помогают? В груди ноет от страха и обиды.

Неужели я правда решила, что им есть до меня дело? Навивная! Они просто решили подзаработать!

К тому времени, как мы въезжаем в город, я накручиваю себя уже настолько, что не могу говорить, слова застревают где-то внутри, и лишь киваю, когда Шаэрон спрашивает:

– Ты чего смурная такая, Айка? Не выпалась что ли? Вроде сладко так спала, не шевельнулась ни разу. Или есть хочешь?

Эррог тоже наконец смотрит на меня и произносит:

– Точно принцесса! Чуть что не по ней, сразу грусть-тоска! Не переживай, Айка! Я тоже есть хочу, да и Шаэр тоже. Сейчас найдем, где перекусить, а уж потом по делам.

Орки спешиваются, и я следом за ними. Стараюсь вида не подавать, как трясутся мои руки и подкашиваются ноги. Передаю уздечку Эррогу, и орки ведут коней к стойлам.

Останавливаются по пути, разговорившись с каким-то то ли покупателем, то ли торговцем. Мне уже нет дела до этого. Я лишь безразлично смотрю, как он машет руками, показывает дорогу, судя по всему.

Меня вдруг молнией прошивает мысль: ведь я могу сбежать от них! Постараюсь пробраться сама к границе королевства.

Я так привыкла к их присутствию в своей жизни. К то-

му, что они заботятся обо мне и хорошо относятся, что сама мысль о побеге кажется почти кошунственной, ошеломительной.

Но быстро беру себя в руки, убеждая, что их забота была продиктована их интересом продать меня подороже на невольничьем рынке.

Бросаю на них последний взгляд, и больше не думая ни о чем, пускаюсь наутек, петляю по узким улочкам.

Бегу так быстро, что в легкие обжигает от воздуха, что я судорожно глотаю. Но только бег мой недолог, после очередного поворота я застываю на месте как вкопанная.

Прямо передо мной Нэмрад. Мгновенно узнает меня, скалится, разводит руки в стороны, словно обнять хочет старого друга. Быстро приближается ко мне со словами:

– Айкинель! Вот так встреча! Думала удрать от меня, паршивка?!

Глава 18

Я пачусь назад, прикидывая, смогу ли убежать от него. Проклинаю свою несчастливую судьбу и Каэнделл, где у женщины всего две роли – жена или рабыня.

Не успеваю и двух шагов сделать, как Нэмрад рядом оказывается. Весь мир заслоняет его лицо – с мерзкой, отвратительной ухмылкой победителя, красное и потное. В нос бьет его запах, от которого меня чуть не выворачивает.

– Паршивка! Тварь! – орет он мне в ухо. Тянет ко мне свои волосатые ручищи с намерением облапать свою “собственность”.

Пытаюсь вырваться, но хва

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.